

УДК 81'25:14

БЕВЗ. Н.В.

*(Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна)***ФИЛОСОФСКИЙ ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ТЕКСТЕ:
ВНУТРЕННЯЯ КОММУНИКАЦИЯ**

Переводческий философский текст в структурном отношении переставляет собой текст в тексте. Он делает авторский текст сопричастующим изменяя значения текстовых коммуникантов. Особное значение приобретают комментарии, которые образуют определённые метатексты касательно переводческого текста.

Ключевые слова: переводческий текст, философский текст, текст в тексте, внутренняя коммуникация, авторский текст, комментарии.

Бевз Н. В. Філософський перекладацький текст у тексті: внутрішня комунікація. Перекладацький філософський текст у структурному відношенні являє собою текст у тексті. Він робить авторський текст співприсутнім змінюючи значення текстових комунікантів. Особливого значення набувають коментарі, які створюють певні метатексти щодо перекладеного тексту.

Ключові слова: перекладацький текст, філософський текст, текст у тексті, внутрішня комунікація, авторський текст, коментарі.

Bevz N. V. Philosophical translator's text in the text: inner communication. Translated philosophical text in the structural relation is analyzed as a text in the text. It makes author's text as co-present changing the meaning of text communicators. Translator's comments have particular meaning creating certain metatext as for original text.

Key words: translator's text, philosophical text, a text in the text, inner communication, author's text, comments.

Объект – перевод философских текстов, **предмет** – переводческий текст с особенностями внутренней коммуникации. **Цель статьи** – рассмотреть перевод философских текстов, как гипертекст с точки зрения решения переводческих проблем. **Задача данной статьи** – исследовать проблемы перевода, фокусирующиеся вокруг герменевтико-коммуникативных аспектов переводческого текста, который, в свою очередь, требует переосмысления как особый структурируемый текст. В данном случае уместным будет обращение к известному современному понятию текста в тексте, которое послужит в качестве отправной модели предлагаемого анализа.

Согласно В. П. Рудневу, текст в тексте представляет собой «своеобразное гиперриторическое построение, характерное для повествовательных текстов ... и состоящее в том, что основной текст несёт задачу описания или написания другого текста, что и является содержанием всего произведения... Происходит игра на границах прагматики внутреннего и внешнего текстов, конфликт между двумя текстами за обладание большей подлинностью. Этот конфликт вызван глобальной установкой культуры XX в. на поиски утраченных границ между иллюзией и реальностью» [Руднев 1999, с. 308]. Теоретическая идея текста в тексте базируется на учении о семантике возможных миров, согласно которому реальный мир является только одним из возможных. Мира обыденной реальности, доподлинно «данной нам в ощущениях», для человека XX -XI веков как бы не существует.

Лотман Ю. М. рассматривал культуру в целом как сложно устроенный текст, «распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложное переплетение текстов» [Лотман 2000]. В качестве доказательства этой мысли в работе «Культура и взрыв» Лотман описывает культуру русского дворянства конца XVIII – начала XIX века, которая подвергалась активному «офранцуживанию»: «Французский язык становится в дворянской (особенно столичной среде) неотделимой частью русской культуры. Он выполнял роль языка научной и философской мысли.» [Лотман 2000, с. 105]. Следует заметить, что использование в философских текстах иноязычных терминов, также как и в культурной среде вообще, порождает новые смысловые катализаторы, изменяющие характер основного смысла известных терминов. По нашему мнению, использование «инородных» для определённой философской культуры терминов опосредованно влияет на ощущение реальности, ставит по вопросу достоверность рефлексивного опыта автора, поскольку естественный культурный контекст «нарушается» привнесением контекстуальных смыслов чужой культуры. К сожалению, такой «грех» встречается при некритическом заимствовании новых терминов в философской литературе. По сути, проблема создания качественного текста в тексте зависит от степени осознанности новых контекстов и возможных последствий для выражения философской мысли. Во многом, вплетение новых философских терминов в текст определённой

философской культуры зависит от переводчика, который избирает ту или иную стратегию перевода.

Популяризаторская форма в жанре философского романа в письмах – произведение Gaarder J. *Sophie's World. A Novel about the History of Philosophy* (Жостен Гаардер “Мир Софии, роман об истории философии”), переведенное на 52 языка мира и ставшее сегодня литературным бестселлером, – может послужить в качестве примера *философского переводческого текста* в тексте [Gaarder 2001]. В каждом письме к Софии (14-летней девочке) её адресант-философ (повествование ведётся от третьего лица) постепенно вводит Софию в мир истории философии. Этот автор-философ, очевидно, и есть сам Жостен Гаардер, который действительно является философом-романистом. Кроме того, имя девочки – София – выбрано не случайно. Как известно, в переводе с древнегреческого это имя обозначает “мудрость” и оно входит в понятие “философия” в качестве второго корня слова. В самом названии предполагается совпадение миров Софии и мира философии, эти миры в романе постепенно начинают переплетаться, образуя мир *филоСофии*.

Гаардер, который отождествляет себя с автором писем к Софии, занимает одновременно позицию организатора переписки и наблюдателя за развитием общего хода событий. Он “держит в поле зрения” всё пространство этой виртуальной коммуникации. С другой стороны, тем самым Гаардер сдерживает свою заинтересованность в результате (передавая эту ответственность другому лицу – безымянному философу, обучающему Софию). Одновременно он под маской безымянного философа позволяет высвободиться в себе тем качествам писателя, которые сдерживаются рамками академического философствования.

Образ Софии, девочки-подростка, помещён в позицию читателя, который обретает в романе собственную историю. Здесь читатель философских писем имеет имя, семью, жизненный опыт, с ним случаются разные приключения, и пр. Чтение философских писем становится, с одной стороны, для Софии встроенным в её жизненный опыт новым коммуникативным актом. А с другой стороны, чтение философского романа в письмах становится жизненным опытом возрастания философского смысла личностной биографии реального читателя. Поскольку София отвечает на письма своего друга-философа, то это предполагает активность проецируемого читателя философских текстов. Для себя София сама является переводчиком в широком смысле слова, который самостоятельно «встраивает» полученные философские тексты (вернее, их смыслы) в свой жизненный мир, насыщает его миром философии, или иными словами, экстраполирует философский текст на свой жизненный опыт, создаёт в собственной реальности сознания необходимый для философского метафизического смысла уровень абстракции. В ответах на философские письма она, становясь автором своего собственного текста (рассуждений), формируется как философствующая личность.

Читатель, «встроенный» в текст, казалось бы, более контролируем в своих «ответных письмах». На него могут проецироваться психологический портрет подростка, определённые стандарты культуры, нормы коммуникативных отношений и пр. Но единственный незапрограммированный ответ – это результат воздействия самих писем на реального, живого читателя, находящегося «по ту сторону» текста. Образ Софии только подсказывает эту реакцию читателя, но она (реакция) является скорее желаемой для самого Гаардера.

Гаардер/безымянный философ как автор романа и самих историко-философских писем, является как бы автором вдвойне и одновременно он уклоняется от авторства (удвоенное утверждение косвенно может быть равно отрицанию). Скорее, Гаардер пытается занять место автора-наблюдателя, который следит за развитием девочки, не вмешиваясь в этот процесс. Как автор романа Гаардер конструирует текст посредством создания текстуальной материальной связи между отдельными авторами и эпохами в виде цитат. Он пишет как бы «от имени» Платона или Канта, видимо, поэтому и скрывает имя самого философа-адресанта.

Следует заметить, что в такой популяризаторской форме философия не «падает» в своём теоретическом уровне, во-первых, потому, что в текстах писем нет примитивизированного пересказа концепций известных философов, а их тексты подаются практически в виде цитат. Но важнейшее значение имеет одновременное сплетение всех обстоятельств, сотворение особого «мира философии» в романном жанре, который создаётся посредством возбуждения экзистенции всех участников: и автора/ов, и читателя/лей.

Если подойти к этому роману с другой точки зрения, то можно сказать, что весь основной сюжет произведения представляет собой искусственно созданный контекст, который содержит признаки европейской культуры, индивидуального биографического опыта, экзистенции участников коммуникации и пр. Такого рода гипертекст позволяет сосуществовать в рамках выразительной литературной формы научно-теоретический и повседневный дискурс, а в целом роман можно

рассматривать также в качестве литературного комментария к достижениям истории философии.

Комментарии, возникают лишь в том случае, когда тексту придается особое значение. Комментарии представляют особый вид литературного текста, который играет роль «спутника» текста. Хотя, в особых случаях комментарий может иметь определяющее значение по отношению к оригинальному тексту. Необходимость в комментариях переводческого текста возникает при определенных условиях, среди которых можно назвать такие как: семантическая неопределенность либо необходимость дословной передачи авторского текста, стилистические новации, скрытые диалоги, догматический либо новаторский поход к традиции, непроясненность контекста и другие.

Первые комментарии были составлены в Индии, где они служили выражением философского конформистского мышления. Комментарий в его европейском варианте берёт своё начало со времен наиболее ранних комментариев к Гомеру. Возникновение комментариев в эпоху средневековья обязано предписаниям теологических факультетов.

Комментарии возникают в том случае, когда есть необходимость сделать авторский текст более доступным. Это обусловлено популяризаторским или педагогическим причинами, или же текст по своей природе является трудным для понимания, либо когда текст нуждается в толковании из-за исторической дистанции в новой читательской перспективе. Комментарий основывается на цитированных сегментах текста-объекта и возникает только там, где интерес к текстам как к таковым силен из-за центральной роли, отведенной «авторитетам» и традициям. Часто решающее значение имеет не мнение отдельного ученого, а его мнение, взятое одновременно с мнением «авторитетов». Так, например, со времен Локка английская философия была ориентирована на опыт и на решение проблем, а не на текст и личности, как немецкая философия. Начиная с XIV столетия в британской философии признавались и культивировались элементы эмпирической и научной философии.

Как и интерпретации, комментариям присуща определенная свобода в отношении предложений базового текста, что проявляется в критике, толковании, дополнении или упрощении комментируемого текста. Комментатор может «перескакивать» с одной части текста на другую, ссылаться на предыдущие комментарии, на родственные тексты и мнения, и т.п., формируя, таким образом, из разрозненного и недоступного материала нечто компактное, особенно когда этот материал существует лишь в форме отдельных письменных источников. И все же, чтобы быть в строгом смысле слова комментарием, он должен быть сосредоточен на базовом тексте.

В средневековой философии выделяют следующие типы комментария: а) «схолии», на основе которых возникли современные «примечания»; б) парафразы, например, к аристотелевской энциклопедии Авиценны и Альберта Великого, которые предназначались, главным образом, для школьной пропедевтики; в) дословные комментарии (*commentare ad litteram*), например, Аверроэса и Фомы Аквинского к Аристотелю, в которых комментаторы строго придерживались порядка и содержания соответствующего базового текста и пытались найти «корректную» интерпретацию. Это означает, что они ставили перед собой задачу выявить и изложить слово и дух аристотелевской философии, а также обнаружить решение трудностей и сомнений [Смит 2000]; г) комментарии к вопросам (*commentare ad quaestionem*), которые могут рассматриваться как поздняя форма классического разговорного комментария (например, Исагоги Порфирия). Такие комментарии состоят из вопросов, аргументов, контраргументов и решений и зачастую лишь отдаленно связаны с выражениями базового текста. Все эти формы являются прямым последствием тогдашних преподавательских практик в коллегиях и семинарах: Аквинат был вынужден писать комментарии по той простой причине, что был университетским профессором. И именно потому в англоязычном философском мире дело так и не дошло до возникновения комментариев, так как в нём никогда не было и речи о «(школьных) авторитетах» или об «общепринятом учении», а те, кто интересовался этой философией, хотели порвать именно с этими, рассматриваемыми как устаревшие, практиками Средневековья.

Комментарии подразделяются также: а) по виду комментируемого произведения (философские, религиозные, поэтические, юридические и пр.); б) в зависимости от возникших проблем при переводе (лингвистические как, например, подстрочники в латинских переводах текстов Аристотеля, либо содержательно-интерпретационные, которые особенно необходимы при переводе философских фрагментов, например, досократиков либо текстов Витгенштейна); в) по соотношению намерений и мировоззрений комментируемого и комментирующего автора. С этой точки зрения, предельным, стремящимся к нулю, случаем комментария являются иронические «комментарии» Деррида, которые, по всей вероятности, были составлены с целью опровергнуть само существование намерения, предшествующего тексту. Подобные «комментарии» не могут содержать никаких

раз'яснених особливостей базового тексту; г) мовне відношення коментуючого до коментуваного твору [Смит 2000].

Таким чином, в даному дослідженні розглянуті особливості побудови гіпертексту з точки зору вирішення перекладних проблем. Проблема перекладу отримує різні смислові розв'язки в залежності від вибору теоретичних основ для її розгляду.

Якщо підходити до питання про текст в тексті на основі оригінального авторського тексту, то поняття перекладу може в даному випадку використовуватися в розширеному значенні, оскільки цитатне або косвенне звернення до інших творів в межах оригінального представляє як приховану комунікацію за ініціативи автора. Зв'язок різних текстових фрагментів і виокремлення цілого авторського тексту можливо на основі авторської аналогії або асоціацій, які будуть мати прихований характер, набувати смислу, заданий авторською концепцією, і контролюватися межами базової філософської абстракції.

В випадку перекладного філософського тексту, авторський текст може розглядатися не тільки як передісторичний в часі, а й як ірреальний оригінальний текст, присутнього перекладному, як би «заключеного» в перекладний текст, який в цьому сенсі може бути також інтерпретований як текст в тексті.

Ще більше ускладнення можливої конструкції перекладного тексту відбувається за рахунок супутніх йому коментарів перекладача. Коментарії створюють ефект зростання залежності авторського тексту від перекладного, посилюючи увагу до перекладного тексту і тим самим, створюючи ілюзію автентичності цього тексту, тоді як авторський текст залишається іноземним, «відсувається» в «підвали» перекладного тексту. Таким чином, завдяки коментаріям відбувається зміна реальності як для оригінального авторського, так і для перекладного тексту, який, по суті, займає місце авторського. Перекладний текст як би «тисне» авторський, відсуває його в інобуття і вводить свою думку читачеві, який виводиться, по суті, в нову реальність, яка буде для нього тим більше переконливою, чим більш коректним в лінгвістичному сенсі буде переклад. Якісний переклад на рідній для читача мові створює комфортні умови для читання, але авторський текст залишається «вещю в собі».

Література

Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура і вибух. Всередині мислячих світів. Статті, дослідження, записки. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с. Лотман Ю. М. Текст в тексті / Ю. М. Лотман // Учені записки Тартуського гос. університету. Вип. 567. Структура і семиотика художнього тексту. Труды по знаковым системам XII. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1981. – С. 33-47. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с. Смит Б. К непереодимости немецкой философии. (електронний ресурс) – http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5_6_11.htm. Gaarder J. Sophie's World. A Novel about the History of Philosophy / Translated by Paulette Moller. – London: Phoenix, 2001. – 436 p.

УДК: 811.111:81'42

BOURDET Jean-François
(Université du Maine)

TEXTE LITTÉRAIRE ET LECTURE EN LANGUE ÉTRANGÈRE: UNE RENCONTRE RÉVÉLATRICE

Le texte littéraire répond à des enjeux significatifs: activation du système de la co-référentialité pour la construction d'un espace fictionnel, travail de la connotation et de la construction du champ sémantique en isotopies pour développer une perspective polysémique. Il semble donc a priori éloigné des compétences linguistiques développées dans le contexte de l'apprentissage d'une langue étrangère (construction progressive d'une représentation de la langue dans sa répartition lexicale, sa catégorisation grammaticale, ses modes de fonctionnement social). Et pourtant une proximité réelle existe entre qui trace son chemin stylistique dans une langue matériau autant qu'obstacle (l'écrivain) et qui identifie peu à peu les éléments d'une possible expression dans une langue différente. Cette commune entreprise de singularisation et d'appropriation vaut la peine d'être retracée.

Depuis longtemps abondent les réflexions sur la littérature, dans une entreprise définitionnelle, vaine sans doute mais riche en éléments didactiques. Avec les Formalistes russes (Todorov, 65), on entre, dès les années 1920, dans une description technique des caractéristiques de la littérarité (litteraturnost). La dimension autotélique, autoréférentielle du texte, est mise en évidence et sera ultérieurement reprise et élargie par Jakobson (63) dans son schéma de la communication sous forme de fonction poétique, susceptible de caractériser tout acte de langage, pour le faire dès lors entrer dans une potentielle littérarité lorsque l'accent est mis sur la forme du message et non sur son ancrage référentiel.

Cette perspective de primauté textuelle, d'accentuation du rôle primordial, dans l'esquisse d'une